

Включив телефон, который долго был выключен, он увидел множество пропущенных звонков и сообщений. Это было неожиданно, так как он редко получал столько уведомлений. В основном это были сообщения от трёх человек: одного без имени, Му Су и его отца, Тань Сяньци.

[Воскресенье, 17:00, в той лапшичной.]

Короткое сообщение, и непонятно, что за ним скрывается.

На этот раз лапша была подана, но Цинфэн не выглядел таким голодным, как в первый раз. Он не спеша ел, но Тань Сяньци всё не начинал разговор, и Цинфэн не выдержал:

— У вас есть дело?

Тань Сяньци понял, что это была обычная фраза Цинфэна для начала разговора.

— Ты... сначала поешь.

На этот раз он сдерживался, думая, что Цинфэн — его сын, и с ним нужно быть терпеливым, как с Тань Лином.

Цинфэн почувствовал себя неловко. Что случилось с отцом? Почему он так медленно говорит, словно его подменили?

— Лучше скажите прямо.

Цинфэн закончил есть и вытер рот.

— На самом деле, ничего особенного. Мы давно не общались.

Эти слова заставили Цинфэна внутренне содрогнуться. Давно? В его памяти они никогда не «общались».

— Общались?

Видя сомнение на лице Цинфэна, Тань Сяньци почувствовал неловкость. Возможно, он неправильно подобрал слова.

Они молчали около десяти минут. Цинфэн посмотрел на время и спросил:

— Если ничего важного, я пойду.

Он взял рюкзак, но Тань Сяньци прямо спросил:

— Ты не живёшь в квартире, которую я тебе предоставил. Где ты сейчас живёшь?

— А...

Цинфэн думал, что отец узнает об этом гораздо позже.

— Живу с кем-то, чтобы было кому помочь. Ничего плохого не делаю.

— Где ты живёшь?

Тань Сяньци понимал, что Цинфэн не хочет говорить адрес, поэтому уклоняется от ответа.

— Уже поздно, вам пора домой. Мне нужно идти.

Не дожидаясь дальнейших вопросов, Цинфэн быстро ушёл. Когда Тань Сяньци пошёл расплачиваться, он узнал, что Цинфэн уже всё оплатил. Уходя, хозяйка лапшичной сказала:

— Твой сын очень заботливый. В таком возрасте уже не позволяет отцу платить. Мой сын так не может...

«Заботливый? Он этого не замечал...»

Тань Сяньци никак не мог понять, почему Цинфэн не живёт в предоставленной квартире и не использует деньги, которые он давал. Секретарь проверил баланс карты, и там была внушительная сумма для обычной семьи. В выписке были только поступления, но никаких расходов. Зачем так гордиться?

Цинфэн сидел в автобусе и думал о том, как Тань Сяньци вёл себя с ним. Впервые он видел, как отец колеблется, и даже почувствовал, что в нём есть что-то отцовское. Но, вспоминая их первую встречу в лапшичной, он понимал, что тогда отец был совершенно нетерпелив. Возможно, он был занят работой, а может, просто Цинфэн не был тем, с кем стоило тратить время.

Он посмотрел на холодное сообщение в телефоне и вспомнил, как однажды увидел их с Тань Лином в ресторане. Атмосфера была настолько напряжённой, что, несмотря на споры, Тань Сяньци всегда уступал сыну.

«Тигр — царь зверей, и никто не осмеливается вызвать его гнев. Но только между отцом и сыном есть связь, которая заставляет оглядываться назад.»

Цинфэн вздохнул, понимая, что до самой смерти он не сможет вызвать у Тань Сяньци такого «оглядывания назад».

Всё это превратилось в лёгкую улыбку на его лице. Люди всегда слишком много думают, но если не заикливаться на этом, жизнь не такая уж сложная.

После школы, из-за того, что учитель задержал класс, Цинфэн быстро купил булочку в магазине и, идя к автобусной остановке, просматривал записи, чтобы подготовиться к уроку с тем мальчиком.

Перейдя дорогу, он увидел перед собой ребёнка с перевязанными руками и ногами, который шёл как робот, смотря прямо на него.

— Привет, добрый день!

Он улыбнулся, и его глаза засияли, как звёзды. Возможно, Цинфэн отвлёкся из-за контраста между его настроением и состоянием.

— С такими травмами и так радостный?

Цинфэн поднял его перевязанную руку.

— Не так уж серьёзно, зачем так идти?

Му Су сразу нахмурился:

— Все верят мне, а ты такой бессердечный?

Он начал жаловаться, но Цинфэн сильно потрепал его по голове:

— Я просто не верю, что кто-то с такими травмами будет ходить в школу.

— Не зря я выбрал тебя репетитором, ты умный.

Му Су повернулся и показал, чтобы Цинфэн шёл за ним.

Они подошли к велопарковке, где стоял новый велосипед. Му Су, размахивая перевязанной рукой, сказал:

— Всё равно по пути, отвези меня домой.

— Я?

Цинфэн не хотел:

— Мне и в автобусе хорошо, зачем тащить на себе сто килограммов?

Му Су нахмурился и сердито крикнул:

— Ты же должен учить меня, я же раненый!

— А как ты сюда приехал?

Цинфэн понял, что Му Су просто хочет воспользоваться им, и повернулся, чтобы уйти, но тот схватил его за руку:

— Нет, это новый велосипед, который мне подарил тот, кто меня сбил. Я вчера попал в аварию, и до дома я доберусь только к ночи.

— Авария?

Цинфэн перестал шутить и спросил:

— С тобой всё в порядке? Ты проверялся в больнице?

— Проверялся, вот даже велосипед подарили. Пожалуйста, отвези меня домой.

Му Су так настаивал, что Цинфэн бросил ему рюкзак, сел на велосипед и сказал:

— Наверное, ты сам виноват, но тот человек оказался неплохим.

— Что ты! Он был очень наглый, я его так отчитал, что он сбежал из больницы, извинялся его двоюродный брат. Если он ещё раз попадётся, я ему покажу.

Му Су, сидя позади, продолжал ругаться:

— Ты не представляешь, как я его поставил на место, он даже не пикнул.

— Эй, он на спортивной машине, может, у него связи. Ты не боишься проблем?

Цинфэн улыбнулся и сказал:

— В следующий раз не будь таким строгим, если извинился, и ты не сильно пострадал, то хватит.

— Ха, я защищаю справедливость. Может, до меня он уже кого-то сбил, а тот, как ты, простил. Я должен защитить тех, кто пострадал.

Му Су всегда был прав.

— Ты...

Когда они пришли домой к Му Су, тот сел, не успев достать все учебники, и громко сказал:

— Ой, у меня рука болит, я не могу писать.

— Ты правой рукой пишешь, а она не повреждена.

Цинфэн взял его за запястье и покачал:

— Если бумага не держится, я найду пресс для неё.

— Кому нужен пресс, это же не каллиграфия.

Му Су был разочарован, что не смог избежать задания, и начал писать, но его буквы были кривыми, как гусеницы.

Цинфэн не поддался на это, просто спокойно смотрел, а затем шутливо сказал:

— Говорят, почерк отражает человека. Если почерк такой ужасный, то как же выглядит человек?

— Мой почерк не ужасный, другие говорят, что у меня... стиль полководца.

Эти слова заставили Цинфэна рассмеяться, а Му Су продолжал:

— Ты видел знаменитых каллиграфов? Некоторые пишут так, что я не могу прочитать, но все говорят, что это шедевр. Это нужно чувствовать, а не объяснять.

<http://bllate.org/book/16764/1540894>